

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

doi 10.17072/1994-9960-2016-3-25-43

УДК 338.26/27(470+571)

ББК 65.054.1

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЛАНИРОВАНИЕ В РОССИИ: ПРИНЦИПЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**О.С. Сухарев, докт. экон. наук, профессор, заведующий сектором ИЭ РАН**Электронный адрес: o_sukharev@list.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Российской академии наук»,

117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32

Рассматриваются основные проблемы стратегического развития российской экономики за последние четверть века, показан «эффект шарахания» на уровне формулировки стратегических целей, что сказалось на развитии конкретных регионов страны в разной степени в зависимости от исходного их состояния и потенциала. Сформулированы основные принципы разработки стратегии развития и стратегического планирования. Показано, как текущая макроэкономическая политика (тактика) может создать «структурный каркас» экономики, который обеспечит возможность либо невозможность достижения стратегических целей развития. Предложена модель «2x2» – «инвестиции – сбережения», «финансовый-нефинансовый» сектор, из которой следует, что причина трудностей стратегического характера состоит в разрастании финансового сектора, неэффективных институтах, регулирующих и задающих режим его функционирования, что требует изменения денежно-кредитной и финансовой политики в стране. Стратегическое планирование должно заканчиваться разработкой стратегии развития, предполагать унифицированные принципы и подходы на различных уровнях регионального и федерального управления. Перспективу настоящего исследования составляет проблема распределения эффекта денежно-кредитной и бюджетной политики (в рамках бюджетного федерализма) в региональном разрезе. Предложенная модель может стать исходной простой схемой, в рамках которой параметр институционального смещения финансового сектора должен быть определён для различных регионов с тем, чтобы определить методы выправления данной региональной дивергенции.

Ключевые слова: стратегия, принципы, критерий эффективности, макроэкономическая политика.

Введение

Вопрос стратегии развития имеет важнейшее значение для российской экономики и отдельных её регионов. Особенность этой проблемы сводится к тому, что при общих принципах стратегического планирования, которые необходимо реализовать в рамках недавно принятого Федерального закона о стратегическом планировании, нужно учитывать, что отдельные регионы в силу характерной специфики могут и должны иметь собственные стратегии, которые бы согласовывались с центральными стратегическими целями и динамикой развития соседних регионов. Однако работа по обеспечению реализации указанного ФЗ в регионах, по существу, только развёрты-

вается, хотя практика планирования накоплена за предшествующие годы [15]. В этом ключе актуально, на наш взгляд, обратиться к вопросам о принципах, критерии и системе стратегического управления экономической системой. На развитие регионов сильное влияние оказывает текущая макроэкономическая политика правительства, выступающая своеобразным сильнейшим институциональным ограничением такому развитию и реализации любых, даже самых обоснованных, стратегий. Поэтому в настоящей статье рассмотрим отдельные наиболее важные принципы, которым следуют денежная и бюджетная власть в текущей политике, что фактически задаёт рамки возможностей для функционирования отдельных регио-

нальных систем и экономики России. Предпримем попытку предложить изменение формата такой политики для того, чтобы обеспечить насыщение развития всех элементов системы деньгами, ликвидировав диспропорцию в пользу финансово-спекулятивных секторов.

Рассматривая столь важную для России тему, на мой взгляд, необходимо вспомнить академика Л.И. Абалкина, который внёс в исследование этой проблемы определяющий вклад. Приведём его точку зрения, изложенную в книге «Россия. Поиск самоопределения» 2005 г. (второе издание, первое – 2002 г.). В частности, в ней отмечается: «Из узловых идей, присущих российской экономической мысли, ... на первом месте стоит подъём общественных производительных сил нации. Это проходит через многолетнюю коллективную работу Академии наук, начиная от исследования природных богатств России до комплексной программы НТП. Здесь всегда важно видение целого, примат стратегии над тактикой, умение выстраивать приоритеты, своеобразие государственного регулирования в сочетании с рыночными регуляторами и механизмами гражданского общества (формирование внутреннего рынка, державности и соборности).

Рождение стратегии – это функция науки, её приоритетная задача. Учёные должны добиваться права на любом собрании и в каждом выступлении говорить, что это наша задача. Далекое не всем нужны наши советы. Но если сегодня решать эти вопросы, то их надо решать жёстко и настойчиво» [1]. В свете сказанного коснёмся проблемы «стратегического шарахания», имевшей место в России, принципов стратегического управления и возможностей экономической политики на уровне инструментов (тактики), позволяющих продвигать систему к стратегическим целям. Режим «шарахания» распространялся на все регионы страны, но оказывал различное влияние на уровень их развития, однако общие структурные дисбалансы усиливали расхождения в развитии регионов.

1. Стратегические «шарахания» российского государства

Более чем за четверть века сменилось несколько стратегических установок экономической политики, которые замещали одна другую, часто не приводя к достижению поставленных целей, либо сосуществовали одновременно – как удвоение ВВП и стимулирование инноваций. Остановимся кратко лишь на некоторых из них.

1. Приватизация и политика финансовой стабилизации – передача активов в част-

ные руки – лишили производственные секторы кредита и денег, обеспечив отток высокого капитала на протяжении многих лет, растрату многих ценных видов активов.

2. Макроэкономическая политика стабилизации как стратегическая цель, закономерно приведшая к обвальной девальвации 1998 г. и постдевальвационному росту 1999–2003 гг., который якобы восстанавливал макроэкономические параметры экономики, но на самом деле «стабилизировал» структурную отсталость экономики, закрепляя её сырьевую ориентацию.

3. Национальные проекты (как стратегический приоритет), которые в любом случае не выпадали из общей теоретической логики борьбы с инфляцией: сначала за счёт высокого процента демонетизировать экономику и якобы справиться с инфляцией, а уж это позволит реализовывать инвестиционные проекты и кредитовать производственные, включая высокотехнологические секторы, когда за инфляцией будет снижаться ставка процента. Ошибку в привязке процента к инфляции никто и не думает исправлять до сих пор (ниже будет показана эмпирическая несостоятельность такой привязки). При этом, разумеется, из виду исчезло следующее обстоятельство: за какой период времени удастся одержать «пиррову» победу над инфляцией и будут ли существовать к этому моменту времени те секторы производства, об инвестициях в которые велись рассуждения.

Иными словами, финансирование национальных проектов шло по принципу «всем сестрам – по серьгам», причём привязка была к необходимости поддержания макроэкономических параметров по инфляции и бюджету. Сначала якобы определялись инфляционно нейтральные величины прироста расходов и денежной массы в экономике и только в рамках этих границ обеспечивались финансами национальные проекты и иные бюджетные программы развития.

4. Инновации стали следующим ориентиром правительственной экономической политики в России во второй половине 2000-х гг., причём привязывались они к неким изменяемым приоритетам – новым технологиям, однако, как я показал в своём выступлении в мае 2015 г. на ВЭО, быстро терялись стереотипные (классические) технологические возможности, что подтверждается приводимыми данными и предложенными моделями.

При этом финансовое планирование никак не связано с решением задач расширения масштаба инновационной деятельности, а

институты, блокирующие инновации, продолжают действовать до сих пор. Инновации нельзя провозгласить и свести всю работу к тому, чтобы отчитываться фиктивно по ним. Важны два условия – появления инновации и тиражирования, распространения инновации, поэтому необходимо иметь точки приложения для такой деятельности. Если в экономике дефлирует труд как фактор производства при повышении общего уровня цен, сокращены в 5–10 раз основные отрасли промышленности, на 70–80% изношено оборудование и фонды, то, с одной стороны, есть спрос на инновации, на новое оборудование, на новые решения в технике и технологии, но, с другой, если финансовая и банковская система никак с этим не связаны и не обслуживают этот процесс, то инноваций не будет. Более того, они не могут быть целью в системе с такими атрибутами её состояния.

Экономический рост 2000-х гг. и посткризисных 2010–2014 гг. поддерживался за счёт сырьевой компоненты российской экономики, эффективность которой неуклонно сокращалась. Поэтому задача перелива ресурсов из сырьевых секторов на нужды инновационного развития обрабатывающих секторов не решена.

5. Кадры. Особо хотелось бы отметить то обстоятельство, что так называемые реформы высшей школы и образования в целом направлены на будущее торможение инноваций. Инновации можно стимулировать активно, когда готовятся кадры соответствующей квалификации, вливающиеся в работу производственно-технических систем экономики, создающих блага для внутреннего и внешних рынков. В том случае когда система образования подвержена перманентным и пока отторгаемым образовательным сообществом изменениям с неясными перспективами, она никак не может создать благоприятных условий для повышения квалификации кадров. К тому же существует миф об очень высоком интеллектуальном потенциале России. По нашему мнению, этот потенциал не может быть таким высоким при слишком плохом состоянии фондовой и производственно-аппаратной базы экономики и промышленности, при такой низкой его стоимостной оценке. Если кадры приложены к разрушенным фундаментам и нет возможности совершенствоваться при неуклонной деградации производственно-технологического аппарата, то какой же они могут сложить интеллектуальный потенциал? Налицо самоуспокаивающие уговоры относительно высокой квали-

фикации кадров, при возникающих дефицитах по многим профессиям.

Основная проблема российской экономики состоит в том, что секторы услуг, финансов и банков образованы и долгие годы функционировали за счёт обеднения и разрушения обрабатывающих секторов. Кроме того, «финансовая» сила этого сектора неодинаково распределена по регионам, сказываясь на особенностях их развития. Кроме того, они не возникли эволюционно за счёт повышения технологичности обработки и высвобождения кадров в сектор услуг как в большинстве развитых западных стран. И это обстоятельство является центральным структурным ограничением дальнейшего развития.

2. Принципы стратегического развития и планирования

Говоря о стратегии развития применительно к любой хозяйственной системе, в частности региональной экономике либо макросистеме, важно отметить необходимость критерия эффективности развития, принципов и элементов системы стратегического управления. При этом целесообразно понимать под стратегией развития последовательность этапов, имеющих количественное и качественное выражение, движения к перспективной цели (совокупности целей) на относительно продолжительном отрезке времени. Иными словами, стратегия развития есть атрибут эволюции современной экономической системы. Чтобы реализовать подобное движение и управление им, необходимо точно наполнить указанные три позиции содержанием.

Если проектировать государственные программы развития, исходя из необходимости балансирования бюджета или поддерживая инфляцию в некоторых рамках, скажем, не выше 5–6% в год, то объём планируемых финансов на эти программы, в случае определения его исходя из ограничения государственных расходов для обеспечения названной инфляции, может не позволить достичь целей не только по какой-то отдельно взятой, а по большинству государственных программ. Результатом станет провал в области движения к обеспечению стратегических государственных интересов – приоритетов. Таким образом, имеется явный конфликт целей, причём целей содержательного и инструментального, результирующего характера. Программы, которые направлены на обеспечение макроэкономической стабильности, часто называют гетеродоксальными стабилизационными программами.

Гетеродоксальные программы обычно исходят из того, что имеются инерционные

эффекты инфляции, которые нельзя преодолеть без воздействия на долгосрочные контракты и институты установления заработной платы, определяющие эффект такой инерции. Кроме того, обычно присутствует такая логика в рамках гетеродоксальных программ: развитие производительных секторов хозяйства, сфер деятельности, в том числе и в приоритетных программах, приводит к провокации инфляции, следовательно, якобы должно быть урезано, приторможено.

Таким образом, подобные программы воздействуют на пропорции цен и занятость, но никак не затрагивают базовой проблемы экономической структуры – принципов функционирования секторов, межсекторных взаимодействий, соотношения дохода и риска по различным видам деятельности. Для того чтобы задействовать эти элементы системы и включить в макроэкономический анализ и регулирование, требуется применять проектный подход, затрагивающий базовые параметры экономического развития, а не только инструментальные проявления. Целесообразным рецептом управления программами является принцип «2А» – «адекватности – адаптивности» [18].

Критерий эффективности развития может быть представлен в виде функции максимизации уровня благосостояния и качества жизни населения страны.

Элементы системы стратегического управления могут быть представлены так: 1) система управления экономикой (планирование, организация, контроль, координация, мотивации на всех уровнях); 2) социально-экономическая стратегия развития; 3) прогнозы экономического развития; 4) программы развития; 5) инструменты воздействия на субъекты экономики (меры текущей политики – тактика). Таким образом, тактика предопределяет достижимость стратегических ориентиров развития. Если макровоздействия на системном уровне обладают большой силой, то они способны обесценить движение в сторону стратегических приоритетов. Это относится прежде всего к денежно-кредитной, бюджетной политике, а также институциональным трансформациям, приобретшим в последнюю четверть века вид базисного инструмента воздействия на социально-экономическую систему.

В качестве необходимых принципов стратегического управления минимально необходимо принять: цель, область приложения усилий, функционального наполнения системы, издержек действия, времени функционирования – реализации конкретных мер, про-

цедур, устойчивости по внутренним и внешним параметрам развития.

1. Принцип задания цели. Во-первых, нужно определить цели планирования системы, получить полное представление о желательном или нежелательном состоянии экономики. Во-вторых, следует проанализировать, насколько хорошо планирующий орган понимает имеющиеся социальные проблемы и существуют ли институциональные возможности их разрешения. Кроме того, придётся сформулировать несколько целей для различения декларативных, несбыточных целей от реально достижимых. В-третьих, требуется разработать несколько проективных вариантов, которые, по мнению плановика, способны обеспечить достижение цели (целей). В-четвёртых, понадобится сформировать критерии отбора вариантов – стратегий, осуществить их сравнительный анализ исходя из ресурсной обеспеченности и с учётом ограниченности по времени. В-пятых, необходимо осуществить выбор и провести адаптацию к условиям экономического окружения.

2. Принцип определения области приложения. Прежде чем проектировать систему, нужно определить, какую нишу в экономической структуре она займёт. Данная ниша есть область её приложения, она должна быть точно определена, что важно с точки зрения модификации целей и применения методов их достижения.

3. Принцип функциональной полноты. Этот принцип позволяет ответить на вопрос: что будет делать система, какие функции она будет или не будет выполнять? Кроме того, важно уяснить, какие функции должны выполняться, а какие нет. Здесь возникает проблема меры, полноты функций, институциональной достаточности. Функции возникают исходя из того, какие действия необходимо осуществить, какие агенты вовлекаются в новую схему взаимодействия, какие при этом совершаются операции, решаются задачи, происходят изменения, возникают доходы и издержки.

4. Принцип необходимого разнообразия. Действия агентов чрезвычайно разнообразны. Институты структурируют это разнообразие, заставляя совершать какие-то определённые действия. Известное в кибернетике правило гласит: система сохраняет устойчивость, если разнообразие управляющего звена не ниже разнообразия управляемого объекта.

5. Принцип необходимого восприятия. При планировании необходимо исходить из того, что субъекты экономики довольно часто

не принимают новые институты, отторгают их. Если количество таких институтов велико, экономическая система может начать деградировать, и темп данного процесса будет определяться глубиной отторжения вводимых правил. Следовательно, одной из задач планирования должна стать адаптация прежних структур к ожидаемым нововведениям.

6. *Принцип устойчивости к изменениям.* Устойчивость системы к изменениям программируется строгим соблюдением первых пяти и седьмого принципов. Неустойчивость является ярким признаком дисфункции (расстройства) системы. Невыполнение седьмого принципа может повлечь за собой потерю устойчивости, и это нарушение таково, что оно может перевесить первые шесть принципов. Иными словами, если все сделано точно, а на уровне седьмого пункта выделенного ресурса недостаточно, причём речь как о финансовом ресурсе, так и о ресурсе вообще, так как финансы обслуживают все виды ресурсов (труд, капитал, технологию).

7. *Принцип монетарного (ресурсного) наполнения.* Система не может функционировать без денежного обеспечения, которое отвечает потребности в иных ресурсах и является самостоятельным ресурсом (принцип соразмерности денег и иных видов ресурса). Если система денежно не обеспечена, то никакой эффективной работы ожидать, как правило, не придётся.

В качестве системных целей государственного развития могут и должны выступать цели обеспечения суверенитета и безопасности, экономического роста (как условия наращивания качества жизни), эгалитаризма, сбалансированности развития видов деятельности, снижения дисфункций управления и базисных общественных институтов.

Чтобы сделать эффективным процесс планирования и обеспечить исполнение Федерального закона «О стратегическом планировании в РФ», который принят ГД РФ совсем недавно, необходимо выполнить ряд имманентных, на мой взгляд, требований.

Во-первых, нужно определить цели планирования, получить полное представление о желательном или нежелательном состоянии экономики и области приложения мероприятий государственной программы.

Во-вторых, следует проанализировать, насколько хорошо планирующий орган понимает имеющиеся социальные проблемы и существуют ли институциональные возможности их разрешения, насколько необходима разработка программы.

В-третьих, требуется разработать несколько проектировочных вариантов программы, которые, по мнению плановика, способны обеспечить достижение цели (целей).

В-четвёртых, понадобится сформировать критерии отбора подходящего варианта программы, осуществить сравнительный анализ различных вариантов исходя из ресурсной обеспеченности и с учётом ограниченности по времени.

В-пятых, необходимо осуществить выбор и провести адаптацию выбранного варианта к условиям экономического окружения при эффективном взаимодействии всех разработчиков аналогичных программ, охватывающих иные стратегические приоритеты.

Совершенно необязательно, что каждый стратегический национальный приоритет, обозначенный главой государства или утверждённый законодательно, должен предполагать разработку государственной программы, возможно достижение успеха по выбранному стратегическому приоритету на стыке нескольких программ.

Прежде чем проектировать государственную программу, нужно определить, какую нишу в экономической структуре она занимает. Кроме того, далее понадобится определить вес и значение программы в бюджете страны. Определить набор программных мероприятий, их содержание и ресурсное обеспечение, включая финансы.

Принцип функциональной полноты позволяет ответить на вопрос: что будет с системой при реализации программных мероприятий, какие функции и как она будет или не будет выполнять? Кроме того, определить, какие функции важны для исполнения. Здесь возникает проблема меры, полноты функций, институциональной достаточности. Функции возникают исходя из того, какие действия необходимо осуществить, какие агенты вовлекаются в новую схему взаимодействия, какие при этом совершаются операции, решаются задачи, происходят изменения, возникают доходы и издержки.

Программа задаёт разнообразие экономической системы, определяет её возможности. Известное из кибернетики правило гласит: система сохраняет устойчивость, если разнообразие управляющего звена не ниже разнообразия управляемого объекта. Разработка государственной программы должна исходить из данного принципа.

Реализация программных мероприятий может натолкнуться на сопротивление или неверное восприятие агентов. Поэтому понадо-

бится определить, стоит ли преодолевать это сопротивление, каким образом и какую роль оно играет в стратегической перспективе.

Устойчивость управления программой развития достигается строгим соблюдением первых пяти и седьмого принципов. Неустойчивость является ярким признаком дисфункции планирования и реализации программ, при этом стратегические национальные приоритеты остаются на бумаге таковы, то есть не удаётся решить задачу по их фактическому обеспечению. Особо следует отметить, что невыполнимость седьмого принципа «о монетарном наполнении» реализации программы влечёт за собой потерю устойчивости программных мероприятий.

Принцип монетарного наполнения является одним из определяющих, поскольку означает, по сути, ресурсное снабжение мероприятий государственной программы. Иными словами, стратегических национальных приоритетов можно достичь на практике в отведённое время только за счёт концентрации необходимых ресурсов, которыми обладает страна и которые способна создавать и использовать.

Основные цели формирования государственной программы могут сводиться к следующим позициям:

1) обеспечение достижения содержательных (качественно обозначенных) целей и результатов программы к намеченному периоду, что позволило бы достичь необходимого стратегического национального приоритета (целевая эффективность и критерий достижимости);

2) обеспечение необходимых темпов роста дохода от реализации программы и развития области, которую программа описывает;

3) обеспечение минимальных рисков или совокупного риска за счёт различных способов их хеджирования со стороны государства;

4) обеспечение приемлемых темпов роста основного капитала;

5) решение задач занятости населения и развития человеческого потенциала;

6) решение оборонных задач и обеспечение национальной безопасности;

7) коррекция стратегии национального развития и формирования системы стратегических национальных приоритетов.

Основными институтами, осуществляющими промышленную политику в России в настоящее время, являются следующие:

1. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (безусловно, также важна роль Министерства обороны и внутренних дел, Министерства по чрезвычайным ситуациям, выступающих заказчиками).

2. Министерство энергетики Российской Федерации.

3. Ростехнадзор России.

4. Министерство экономического развития РФ.

5. Торгово-промышленные палаты РФ.

6. Министерство Финансов РФ (ответственность бюджета за выполнение финансовых назначений по программам развития).

7. Крупные корпорации (включая госкорпорации), естественные монополисты, промышленные группировки, альянсы (российские и международные), общественные ассоциации, союзы промышленников и предпринимателей, профсоюзы и т.д.

Совокупность федеральных программ развития является в последние 20 лет после отказа от централизованного планирования в России определяющим инструментом индустриальной политики. Фактически способ проектирования отдельных программ заместил формы и методы централизованного планирования. Поэтому важно остановиться на том, как работает этот институт – программ развития секторов и видов деятельности.

Федеральная целевая программа, представляет собой увязанный по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации [21].

За период с 2006 по 2013 г. были осуществлены ФЦП промышленности со следующими объемами финансирования (таблица).

Федеральные целевые программы промышленности в 2006–2013 гг.

Период осуществления финансирования, год	Государственные капитальные вложения, млн руб.*	Текущие расходы, млн руб.*		Общий объем финансирования, млн руб.*	Общий объем финансирования в % к 2006 г. *	Расходы на НИОКР в % к 2006 г. *
		НИОКР	Прочие нужды			
2006	9551,67	10826,96	7391,05	27769,68	100,00	100,00
2007	2309,393	15325,69	11499,27	29134,35	117,37	141,55
2008	52746,72	18074,66	28603,83	99425,22	456,03	168,14
2009	39483,72	27050,79	30295,38	96829,9	482,57	250,34
2010	34126,87	27248,22	24239,59	85614,69	462,40	251,67
2011	42575,96	42092,40	19790,66	104459	598,60	388,77
2012	36687,21	50712,42	18924,99	106324,6	649,38	468,39
2013	28749,46	49564,44	19035,78	97349,67	632,91	457,79

* Составлено автором по источнику [20], значения величин приведены к 2006 г. с учетом уровня инфляции за ряд лет.

С 2014 г. существует госпрограмма «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», предполагающая 17 подпрограмм: «Автомобильная промышленность»; «Сельскохозяйственное машиностроение, пищевая и перерабатывающая промышленность»; «Машиностроение специализированных производств»; «Легкая промышленность и народные художественные промыслы»; «Ускоренное развитие оборонно-промышленного комплекса»; «Транспортное машиностроение»; «Станкоинструментальная промышленность»; «Тяжелое машиностроение»; «Силовая электротехника и энергетическое машиностроение»; «Металлургия»; «Лесопромышленный комплекс»; «Развитие системы технического регулирования, стандартизации и обеспечение единства измерений»; «Химический комплекс»; «Конструкционные и функциональные композиционные материалы нового поколения»; «Технологии редких и редкоземельных металлов»; «Современные средства индивидуальной защиты и системы жизнеобеспечения подземного персонала угольных шахт»; «Обеспечение реализации государственной программы». Судить об эффективности программы возможно только на основании системы количественных и качественных показателей, однако наибольшую важность приобретает согласование программ, которое сегодня не достигнуто в силу отсутствия общих императивов и принципов планирования в стране.

Применительно к планированию развития технических систем необходимо учитывать особые принципы и свойства их функционирования и развития, которые часто не принимаются во внимание профессиональными экономистами, не являющимися «технарями» или отраслевыми специалистами. К таким

принципам эволюции технических систем можно отнести:

- закономерное совершенствование и очевидное улучшение режима функционирования (на основе физических и инженерных законов);

- «исправляющее решение», отменяющее режим предыдущего функционирования;

- изменчивость закономерностей в технике (в результате технологического прогресса, например изменение закона Мура или закон Гука в области пластической (неупругой) деформации, однако это справедливо далеко не для всех открытых базовых закономерностей);

- инерционная реакция на вводимые правительственные воздействия, (откуда возникают лаги последствия, отсутствует моментальная реакция);

- отсутствие прямой связи между технологичностью и «ключевыми параметрами конкурентоспособности» производства, когда достичь этих параметров может низко-технологичная система, при этом соотношение «цена – качество» будет примерно соблюдено, несмотря на низкую (иногда крайне низкую) технологичность.

Учитывая их, можно предложить некоторые этапы планирования развития для высокотехнологичных производств. Предлагается использовать метод скользящего 3-летнего и 5-летнего программирования, то есть разработки сначала 3-летней программы – предварительного этапа, затем основной этап развития – до 5 лет, с дальнейшим планированием на 10 и 15 лет. Это полезно применять для таких секторов, как микроэлектроника и радиоэлектронная отрасль (включая военно-техническую составляющую). Индикативные планы на 1–2 года представляют тактический приём

управления и должны быть довольно подвижны, сочетать изменения государственного заказа и целевых установок развития частных предприятий [14]. Государство обязано отдавать приоритет развитию российской собственности в базовых производствах, предотвращая иностранное участие и освоение западными компаниями нашего внутреннего рынка за наш счёт.

Разработка промышленной политики, помимо указанных выше семи принципов и соблюдения названных свойств технических систем, предполагает следование ряду добавочных принципов, характерных для промышленности:

- а) адекватности и адаптивности технической системы;
- б) возвратности и коррекции воздействующих мероприятий;
- в) безопасности;
- г) проектной окупаемости и планирования соответствующих институтов и инфраструктуры;
- д) преодоления деиндустриализации и декапитализации и дисфункции управления (для российской промышленности) и обеспечения технологичности.

Для возникновения экономики с промышленными рынками, которые восприимчивы к инновациям, понадобится решить следующие задачи:

- обеспечить «критическую массу» новаторов,
- снизить затраты институтов, ответственные за возникновение инноваций и развитие техники и технологий,
- стимулировать частный сектор к финансированию НИОКР в существенном для экономики объёме, чтобы возникло осознание значимости подобных инвестиций как важнейшего конкурентного фактора,
- образовательная система и прикладная наука должны быть связаны с производством,
- повысить долю учёных и инженерно-технических работников в составе рабочей силы,
- повысить долю зарегистрированных, а также реализованных патентов и авторских свидетельств, имеющих международную защиту,
- банковский сектор кредитует НИОКР и новые производства.

Достижение указанных целей и будет символизировать на стратегическом рубеже возникновение «инновационной экономики»,

причём данные цели не должны стать самодевлеющими.

Планирование на перспективный период до 10–20 лет предполагает участие специалистов широкого профиля с соблюдением принципа планирования (универсальность, гибкость, простота и доступность, эффективная расчётная разрешимость, качество – все эти свойства ценны в задаче нахождения оптимального плана) Л.В. Канторовича, который в Нобелевской лекции отмечал, что эффективность плана может быть обеспечена не только его гибкостью и другими свойствами (для оптимального плана), закладываемыми на этапе составления, но и участием специалистов различного профиля как минимум следующих трёх групп: математиков, экономистов и отраслевых специалистов (инженеров и управленцев, практических работников) [3]. Здесь обозначены в основном только краеугольные принципы и возможности, которые определяют, по сути, выбор научно-технических приоритетов развития государства в обозримом будущем, составляют основу планирования по магистральным направлениям.

Вместе с тем не только программы развития требуют научного подхода к планированию, но и выстраивание так называемых программ макроэкономической стабилизации должно быть увязано с иными целями и программами, что также предполагает наличие обоснованного алгоритма.

Такой алгоритм макроэкономической политики, формируемый на научной базе, предполагает, на мой взгляд, исполнение следующих обязательных шагов в определённой последовательности:

- 1) формулировка главных и вспомогательных целей, которые необходимо достичь к заданному сроку;
- 2) определение целевых показателей, в которых можно выразить содержание целей и установление иных параметров и переменных, способных повлиять на эти показатели;
- 3) подбор инструментов, которые способны повлиять на обнаруживаемые связи между целевыми показателями и иными переменными или параметрами системы;
- 4) исключить взаимосвязь инструментов и определить «чистоту» влияния каждого из них на ту или иную цель, чтобы исключить эффект обратного влияния;
- 5) разработать последовательность применения инструментов и сформировать передаточный механизм экономической политики, позволяющий обеспечить движение всей системы в предполагаемом направлении;

б) разработать критерии, позволяющие дать оценку о направлении движения системы к намеченной цели;

7) в случае неожиданного влияния инструментов на систему иметь резервные способы управления по восстановлению состояния системы и коррекции направления движения, а если потребуется, то и установленных целей.

Покажем, что в российской экономике инструменты воздействия на агентов, выражающие меры текущей макроэкономической политики, продолжают оставаться неадекватными установленным стратегическим целям развития. Без учёта региональных особенностей общая макроэкономическая политика только способствует региональной дивергенции. Рассмотрим её общесистемные свойства, не привязываясь детально к региональным особенностям.

3. Экономическая тактика и стратегия: адекватность экономической политики

А) Денежно-кредитная политика

Общая формула денежно-кредитной и финансовой политики России за рассматриваемый период 2000–2015 гг. может быть сведена к следующим основным положениям:

– низкий и средний уровень монетизации для формирующихся рынков;

– ограниченные государственные заимствования при профицитном бюджете, растущем стабилизационном фонде и сокращающемся государственном долге (сегодня дефицитном бюджете, когда дефицит не допускается выше Маастрихтского критерия в 3% ВВП, но внутренние заимствования ограничены для погашения дефицита);

– уровень процента более высокий, чем на большинстве формирующихся и развитых рынков (иногда в десятки раз);

– снижающееся в целом налоговое бремя с общей нацеленностью налоговой политики на этот результат, при крайне медленном административном улучшении налоговой системы низкой процедурной эффективности;

– придерживаемый курс рубля при растущих золотовалютных резервах (сегодня – плавающий курс, при существенных резервах);

– проблемы с функционированием рынка корпоративных ценных бумаг (неразвитость этого рынка, наличие разрыва Макмиллана);

– существенное возрастание корпоративного внешнего долга (до 700–750 млрд долл.) в силу наличия валютно-процентного рычага в экономике России и не-

обузданных спекулятивных целях российской экономической и валютной системы.

Уровень монетизации экономики составляет примерно 40% на 2015 г., и 47 % в 2014 г. с неуклонным снижением после девальвации 2014 г. почти в 2,5 раза. Средний темп экономического роста составил за последние четыре года: 2012 г. – 3,4%, 2013 г. – 1,3%, 2014 г. – 0,7%, 2015 г. – (– 4,0%), инфляция возрастала: 2012 г. – 5,1%, 2013 г. – 6,8%, 2014 г. – 7,1%, 2015 г. – 12,5%. Таким образом, наблюдалась стагфляция, то есть снижение устойчивого темпа роста (рецессия), сменившееся спадом с неуклонным ростом инфляции. При самом лучшем сценарии ВВП России 2017 г. составит к уровню 1990 г. всего 115% (за двадцать семь лет преобразований). Но многие базовые макроэкономические индикаторы развития не будут достигнуты даже к 2017 г. Это относится прежде всего к производству промышленной продукции, которое составит 92,9% к уровню 1990 г., инвестициям в основной капитал, которые в 2017 г. составят в лучшем случае 78,3% к уровню 1990 г.

Одна из причин такого «стагнотно-рецессионного» развития экономики состоит в том, что монетарная и финансовая политика не были направлены на решение задач экономической структуры и национального развития. По существу, была развёрнута модель «обедняющего роста», которая, исчерпавшись, обнажила проблему запуска роста на новых факторах. Однако уже действующие институты и созданные структуры не позволят гибко перейти на новые факторы, в связи с чем дискуссия в современной России касается в основном запуска роста, но на прежних факторах. Конечно, экономический рост должен предполагать запуск инвестиций и внутреннего потребления, кои являются двумя базовыми локомотивами роста, но структура инвестиций и потребления будет иметь высокое значение для качества и темпа роста и последующих изменений экономической структуры, актуальность которых крайне велика.

Эмпирический анализ денежно-кредитной и финансовой политики в России позволяет утверждать, что оба вида политики по своей направленности были рестриктивными и остаются таковыми до сих пор. Это утверждение парадоксально, но оно подтверждается тем, что, несмотря на фактическую ремонетизацию экономики в 2000–2014 гг. (параметр монетизации возрос с 12 до 47%, рис. 1) [4; 19], связь между приростом денежной массы и инфляцией, а также между инфляцией и торможением валового внутреннего

продукта отсутствовала (рис. 2, 3) [5, с. 324, 328; 6, с. 357, 361; 7, с. 351, 356; 8, с. 370, 375; 9, с. 401, 408; 10, с. 418, 424; 11, с. 435, 442; 12]. Это можно подтвердить анализом прироста тех величин, связь между которыми изучается. На рис. 6–7 приведены эмпирические данные относительных приростов денежной

массы и инфляции, процентной ставки и инфляции, ВВП и процента. Связь между данными переменными отсутствует (коэффициент $R^2=0,1\dots0,3$), однако в угоду спекулятивным секторам продолжалась политика валютно-процентного рычага.

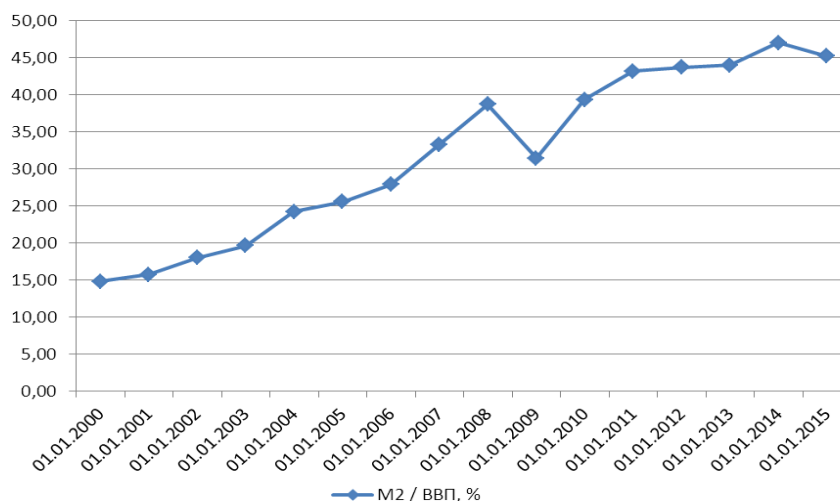

Рис. 1. Ремонетизация российской экономики (M2 /ВВП), 2000–2015 гг.

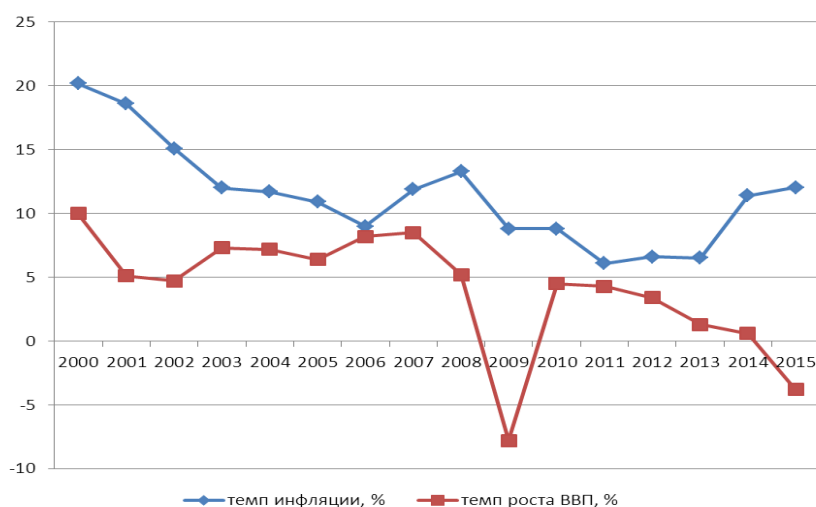

Рис. 2. Динамика темпа инфляции и роста ВВП, 2000–2015 гг.

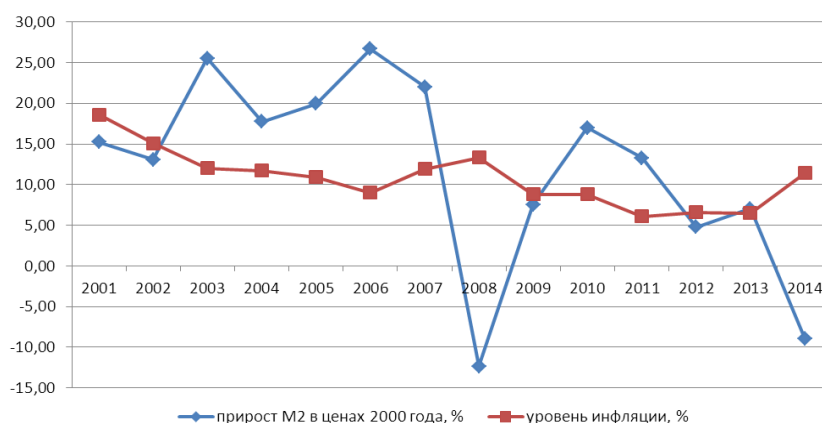

Рис. 3. Прирост денежной массы и инфляция, 2000–2014 гг.

Характеристика темпа экономического роста в России в период 2000–2015 гг. приводит к следующим факторам, обеспечившим ростовую динамику продукта:

– Зависимость ВВП России от инвестиций в основной капитал более существенна, нежели от сбережений, но меньше, нежели от величины совокупных расходов на конечное потребление.

– Темп прироста ВВП в России и темп инфляции не связаны (рис. 4), коэффициент детерминации $R^2=0,407$. Периоды, когда темп ВВП замедлялся, инфляция ускорялась, сменяются периодами, когда темп ВВП увеличивался, темп инфляции снижался либо снижался и темп ВВП, и темп инфляции.

– Темп прироста денежной массы, безусловно, значим для темпа роста ВВП, но теснота корреляционной связи 0,62. Динамика цен на нефть в большей степени влияла на темп роста ВВП ($R^2 = 0,85$) в рассматриваемый период времени.

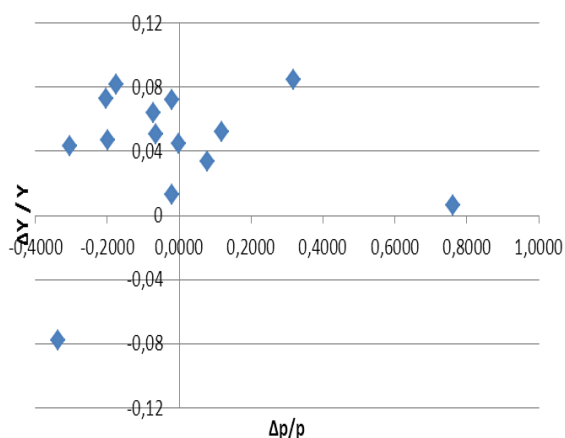

Рис. 4. Прирост продукта и инфляции, 2000–2014 гг.

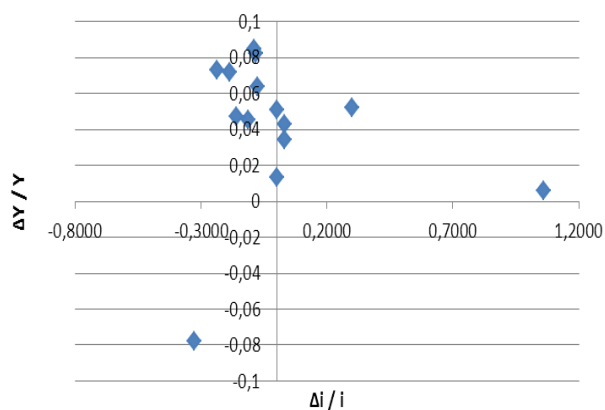

Рис. 5. Прирост продукта и процента, 2000–2014 гг.

Как видим на рис. 5, снижение процента в целом даёт больший прирост продукта, хотя устойчивой связи нет, но резкое увеличение процента (точка справа на графике), даёт резкое снижение прироста продукта (все точки – это эмпирические данные по России). Повышательная и понижающая динамика цен дают примерно одинаковый прирост продукта в России (рис. 4), хотя инфляция выше 12% даёт малый, но положительный прирост (крайняя точка справа на графике рис. 4). Видимо, относительное изменение цен от $-0,2$ до $+0,4$ даёт наибольшую прибавку в ВВП РФ, что отвечает инфляции примерно от 5 и до 10–12%. Абсолютный спад продукта при инфляции в 12% за 2015 г. означает лишь накопленные провалы экономической политики до 2014 г. и после.

Интересно взглянуть, как соотносятся приросты денежной массы и процента, денежной массы и уровня цен. Из рис. 6 видно, что положительный прирост денежной массы согласуется со снижением процента, но, когда имеются всплески резкого повышения процента (2009 и 2014 гг.), это сопровождается сокращением денежной массы – отрицательный прирост. На рис. 7 отражено следующее соотношение: положительный прирост денежной массы в России тормозил прирост цен (большее число точек в отрицательной области). С учётом того, что прирост денежной массы действовал в направлении роста ВВП – и этот фактор был вторым по значимости после динамики цен на нефть, рост в России базировался на приросте денежной массы, которая, в свою очередь, тормозила, а не увеличивала темп инфляции. Этот вывод эмпирический и не может содержать иных трактовок. Сдерживающая политика приводила к тому, что эта тенденция свёртывалась, но она возобновлялась при смягчении денежно-кредитной и бюджетной политики.

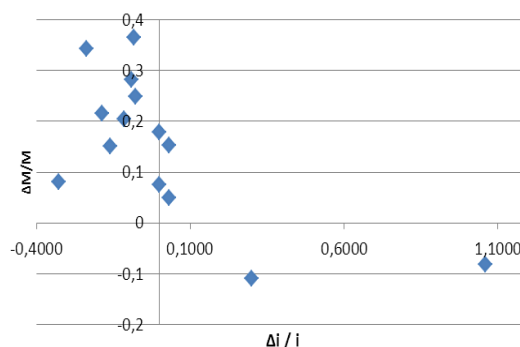

Рис. 6. Прирост денежной массы и процента, 2000–2014 гг.

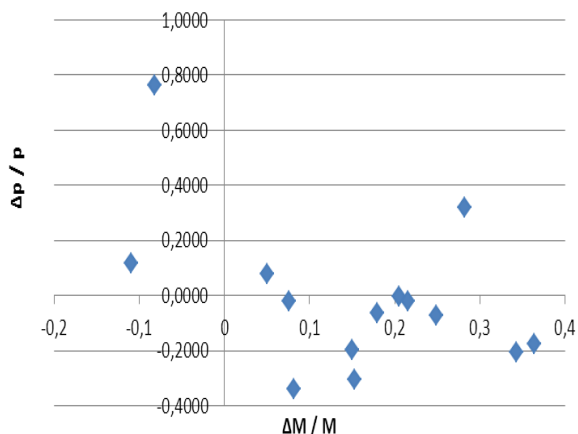

Рис. 7. Прирост денежной массы и цен, 2000–2014 гг.

Рост процента (ставки рефинансирования, ключевой ставки) приводил к планомерному росту всех процентных ставок и в целом сопровождался ростом цен (рис. 8).

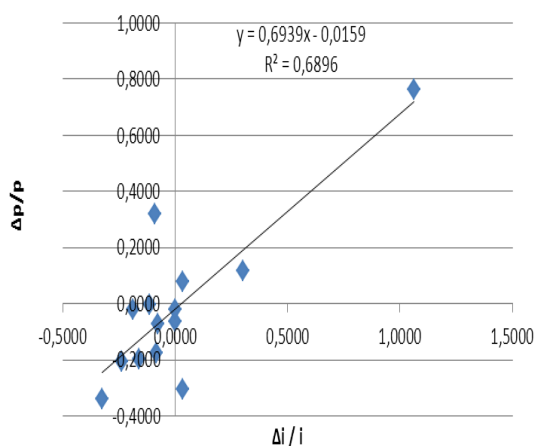

Рис. 8. Ключевая процентная ставка и динамика цен, 2000–2014 гг.

Связь динамики ВВП и ключевой ставки отражает рис. 9, согласно которому выделяются два режима развития: 1) когда со снижением ставки растёт валовой продукт, причём на этом же участке сбережения сокращаются при снижении процента (примерно от 25% до 12–14%), когда процент высок, 2) когда процент низок (от 7–8 до 12%), рост процента стимулирует сбережения – и на этом интервале видна ветвь увеличения ВВП (см. рис. 9, восходящие точки от 21 до 16%) с другой эластичностью по проценту.

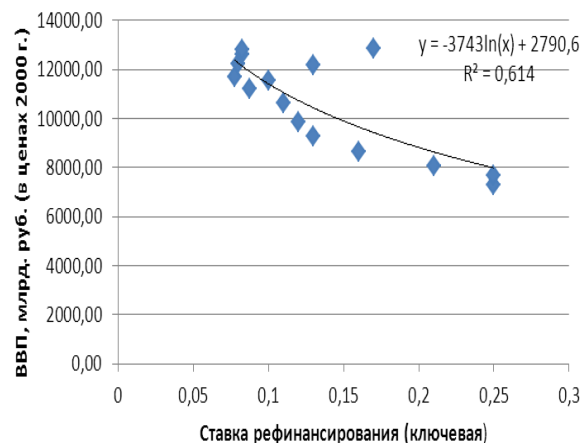

Рис. 9. ВВП России и ключевая ставка, 2000–2014 гг.

Инвестиции в основной капитал возрастают при уменьшении ставки на всём периоде 2000–2014 гг. (рис. 10), финансовые инвестиции ведут себя таким же образом, однако они в разы превосходят инвестиции в реальном секторе экономики, формируя «инвестиционный навес» – по сути, спекулятивный навес для российской экономики (рис. 11).

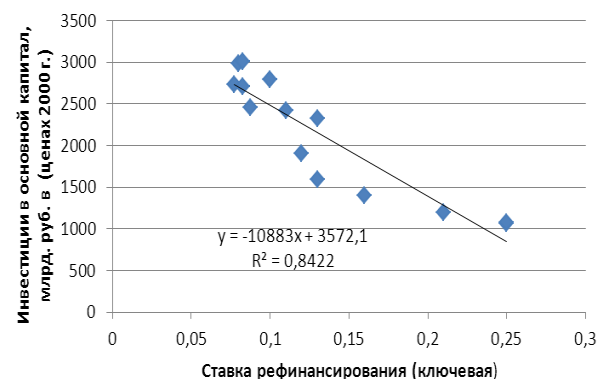

Рис. 10. Инвестиции в основной капитал, 2000–2014 гг.

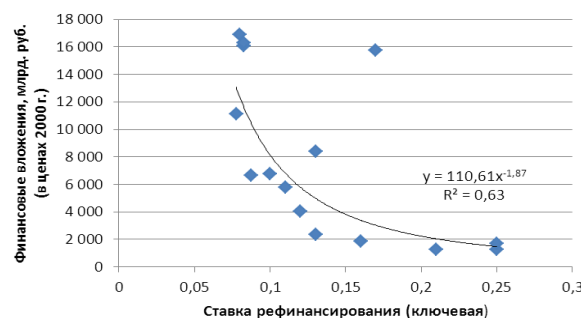

Рис. 11. Финансовые вложения и ключевая ставка, 2000–2014 гг.

Далее проведём элементарное моделирование, опираясь на базовое положение теории ссудных фондов. Эта модель может быть применена для любой экономической системы. Представим модель «инвестиции – сбережения» для экономической системы, разделив

инвестиции на две составляющие – финансовые и нефинансовые, подразумевая, что нефинансовые инвестиции – это инвестиции в обрабатывающем (и добывающем) секторе (рис. 12).

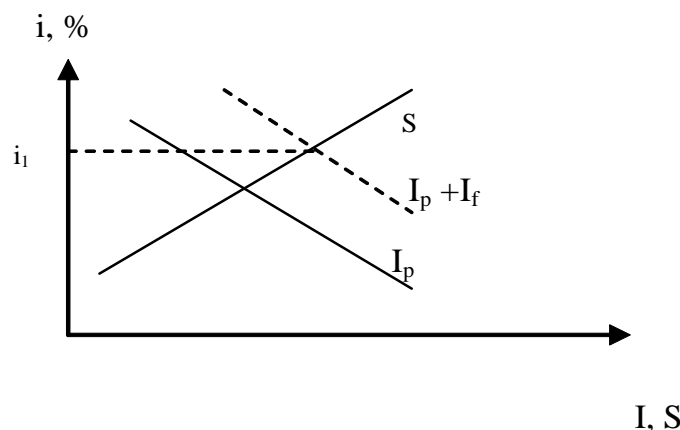

Рис. 12. Инвестиции – сбережения в экономической системе

Будем считать, что I_p – инвестиции в обрабатывающие сектора (нефинансовые инвестиции), I_f – финансовые инвестиции, зависящие от ставки процента, S – сбережения, α – параметр, отражающий различия между величиной инвестиций и сбережений в экономике, γ_0 – параметр, характеризующий трансформацию сбережений в финансовые инвестиции, s – норма сбережений, $S = sY$. По существу, α , γ_0 , s – институциональные качества экономической системы. В общем случае инвестиции не равны сбережениям в силу работы финансовых институтов (банковской системы и др.). Тогда можно записать, что

$$I = I_p + I_f,$$

$$I = \alpha S,$$

$$I_f = \gamma_0(S - I_p),$$

$$S = \frac{1 - \gamma_0}{\alpha - \gamma_0} I_p.$$

Учитывая, что инвестиционная функция представлена кривой, имеющей отрицательный наклон (инвестиции зависят от предельной эффективности капитала), кривая сбережения – положительный наклон. Поэтому в упрощённом виде можно в зависимости от процента (см. рис. 9–11) представить функцию инвестиций и сбережений следующими выражениями:

$$I_p = a - bi,$$

$$S = n + di.$$

Тогда выражения для финансовых инвестиций I_f и для национального дохода Y примут вид

$$I_f = \gamma_0[(n - a) + (d + b)i],$$

$$Y = \frac{1}{s} \frac{1 - \gamma_0}{\alpha - \gamma_0} (a - bi).$$

Как видим, в рамках данной модели при росте процента национальный продукт будет снижаться, финансовые инвестиции возрастут, нефинансовые сократятся. Получим выражение для темпа экономического роста системы в предположении, что функции инвестиций и сбережений не изменяют своего вида ($a, b, n, d - \text{const}$), а институциональные параметры системы не изменяются ($\alpha, \gamma_0, s - \text{const}$, короткий промежуток времени) либо изменяются ($\alpha, \gamma_0, s - \text{var}$, длительный промежуток времени). Тогда получим

$$a, b - \text{const},$$

$$\alpha, \gamma_0 - \text{const},$$

$$s - \text{var},$$

$$\frac{dY}{dt} = -Y(t) \left[\frac{1}{s} \frac{ds}{dt} + \frac{1}{\frac{a}{b} - i} \frac{di}{dt} \right],$$

$$g = \frac{1}{Y} \frac{dY}{dt}.$$

Тогда можно оценить темп роста российской экономики (рис. 13), если бы финансовый сектор не увеличивал своё довлеющее влияние, сравнив с реальным темпом в период

2010–2014 гг. На рис. 14 показана динамика ВВП по модели и по факту для РФ в ценах 2000 г. Также видно, что финансовый сектор с демонстрируемым развитием даёт меньшую величину ВВП, чем если бы он был стабильным – верхний график по модели. Институциональное смещение γ_0 довольно велико и показано отдельно на рис. 15.

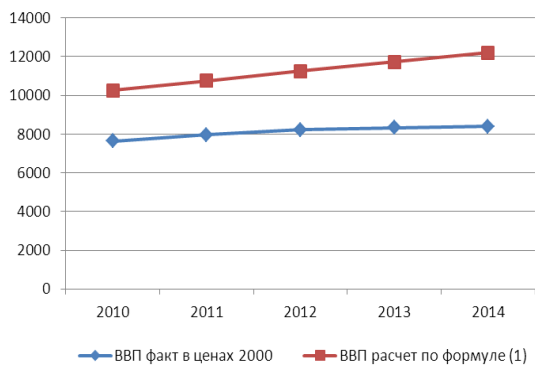

Рис. 13. Темп роста российской экономики – фактический и в предположении невлияния финансового сектора 2010–2014 гг.

Как видно из рис. 13, наличие финансового сектора сильно снижает темп роста, который отличается от теоретического по введённой модели.

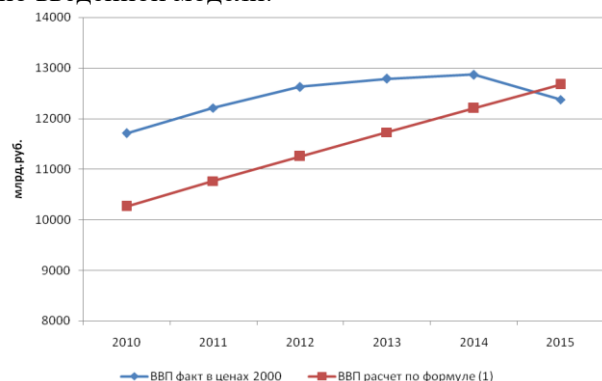

Рис. 14. Динамика фактического и расчетного ВВП РФ, 2000–2015 гг.

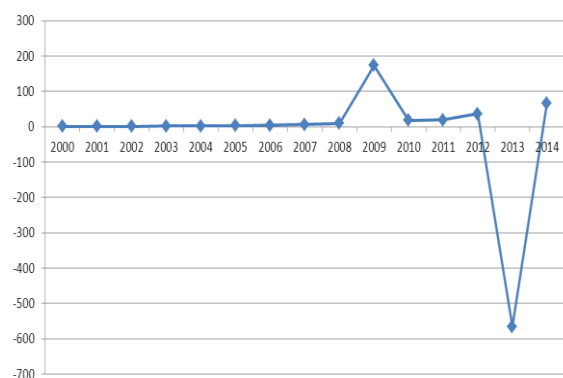

Рис. 15. Институциональное смещение γ_0 , 2000–2014 гг.

График, отражающий разрастание влияния финансового сектора, можно видеть на рис. 15, где показано институциональное смещение, которое приобретает просто гигантское значение в кризис 2009 г. (положительная область) и ещё большее – перед кризисом 2014 г. (отрицательная область), что говорит о разных причинах изменений. В 2009 г. произошёл резкий рост финансовых вложений: сбережения превышали инвестиции в основной капитал. Накануне кризиса 2014 г. финансовые вложения возросли ещё сильнее – в разы, а вот разница между сбережениями и инвестициями в основной капитала была отрицательной, что можно связать с попытками обновления капитала и нарастающими вложениями в период 2010–2013 гг. При этом сглаженная функция роста финансового сектора показана на рис. 16.

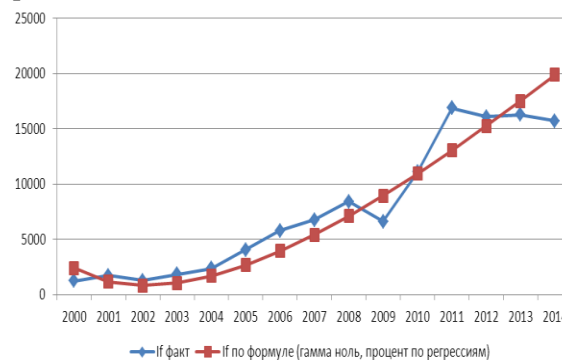

Рис. 16. Финансовые инвестиции I_f в экономике России, 2000–2014 гг.

Таким образом, одним из весомых факторов дестабилизации и слабости проводимой денежно-кредитной политики, помимо рестриктивных решений правительства, является наличие финансового сектора с созданными для него институтами. Этот сектор усиливает кризис в купе с ошибками денежно-кредитной политики, которые указаны здесь, а также в иной литературе [2]. Причиной является финансово-спекулятивная деятельность, которая находится вне зоны контроля обоснованной макроэкономической политики правительства и способствует вымыванию финансовых ресурсов из регионов, приводя в конечном итоге к возрастанию дефицита региональных бюджетов.

Б) Бюджетная политика

Бюджетная политика РФ была так же, как и денежно-кредитная, слабо рестриктивной, тем самым действуя в общем направлении торможения роста и демонетизации (при ремонетизации 2000–2014 гг.). Однако в 2015 г. явно выраженный рестриктивный характер бюджет-

ной политики очерчивается следующими цифрами бюджетного плана:

1) произошёл отказ от 3-летнего бюджетного планирования и «бюджетного правила» – последнее является позитивным, так как это правило не позволяло гибко использовать бюджетные механизмы;

2) нефтегазовые доходы составляют примерно 50% всего бюджета, причём из получаемых доходов в 20 трлн руб. можно было 8–10 направить в казну России, но этого не делается;

3) бюджеты 2015 и 2016 гг. являются бюджетами спада и стагнации, абсолютно безыдейным результатом бюджетного планирования (неэффективного), поскольку за 10 месяцев 2015 г. доходы составили 11,3 трлн руб. (план по 2015 г. – 12,5 трлн руб.), следовательно, идёт перевыполнение по доходам. Относительно расходов – факт 12,0 трлн руб., план по бюджету 2015 г. – 15,2 трлн руб. Тем самым, дефицит примерно 2,0% трлн руб. Как видим, идёт недовыполнение бюджета по расходам и перевыполнение по доходам, что подтверждает проводимую рестриктивную бюджетную политику. Правительство задействует средства на уменьшение дефицита до 1 трлн руб. Индексация пенсий проводится всего на 4% при инфляции 12%, а по потребительским благам, в коих заинтересованы пенсионеры, – 15–17%, что ограничивает потребительский спрос как локомотив роста российской экономики. Если бы ввели прогрессивную шкалу налогов, то расчёты показывали бы дополнительно сбор до 6 трлн руб., при соответствующей шкале прогрессии налога с ростом дохода. На 2016 г. планируется дефицит бюджета в 3% ВВП, при этом расходы на оборону увеличены на 3,1%, на промышленность будут снижены на 2%, на образование – снижены на 8,1%, здравоохранение – снижены на 7,8%, на ЖКХ – снижены на 39% к 2015 г. В итоге расходы на образование 2016 г. к 2012 г. составят 94%, в номинальном выражении, здравоохранение – 86%, ЖКХ – 58%. Иными словами, наблюдается сокращение номинальных расходов, причём довольно значительное. Крупные организации России имеют 1 трлн руб. прибыли, но сокращают фонд оплаты труда на 0,5 трлн руб. Таким образом, нагрузка по перенесению тягот кризиса 2015 г. перекладывается на бедное население, капиталисты демпфируют свои потери и риски в наибольшей степени. Расчёты показывают, что 10% богатых семей России получают (контролируют) 87% всех доходов, причём с каждых 100 руб. бюджета здравоохранение получает 3 руб., образование – 3,6 руб., наука – 1 руб.

Такой структурный дисбаланс бюджетных расходов и доходов напрямую угрожает национальной безопасности России, даже если будет зафиксирован и не будет ухудшаться.

Таким образом, неэффективная бюджетная политика тормозит экономический рост, действует в направлении необоснованной денежно-кредитной политики, обостряет социальные проблемы, дестимулируя важнейшие социальные функции и развитие.

Необходимо монетизировать бюджет, изменить налоговую политику, введя прогрессивную шкалу, усилив влияние налогообложения, введя налог на природно-ресурсную ренту – обосновывать направления «канализации финансов» через бюджет, ввести целевые счета по инфраструктурным проектам и финансировать решение задач в государственной промышленности, используя систему Казначейства и т.д. Возможно, будет полезно ввести «процентный портфель» – секторально [13], гибкие ставки, поскольку разные секторы для своего развития нуждаются в разном объёме денег в единицу времени, и обеспечить реализацию принципа плохого баланса, стимулируя банки работать в частном секторе промышленности и кредитовать его проекты.

Выводы

Монетарная политика денежных властей России является неэффективной, не способствует экономическому росту и углубляет спад 2015 г., возможно, и 2016 г.

Рост денежной массы в большей степени стимулирует ВВП, нежели повышение уровня цен. Более того, положительный прирост денежной массы в России способствовал снижению уровня цен (эмпирически подтверждается по приведенным эмпирическим оценкам).

Повышение процента в целом снижает прирост продукта, а инфляционное таргетирование контрпродуктивно для России, так как положительный прирост уровня цен (не выше 10%) способствует приросту валового продукта в той же мере, как и снижение инфляции до 5%, что подтверждается эмпирическим анализом. Относительно среднегодовой инфляции в 4% статистических исторических примеров такой низкой инфляции в России нет. Вместе с тем таргетирование на таком уровне не отвечает состоянию экономики – базисных структур, технологическим возможностям, зависимости от импортированной инфляции, а выполнение данного норматива, вероятно, обернётся экономической эвтаназией для обрабатывающих производств, при сохранении спекулятивных секторов. Таким образом, инфляция до 10% вполне реальна для запуска роста в

России, и инфляционное таргетирование не выглядит убедительным ориентиром денежно-кредитной политики. Необходимо либо таргетировать объём реальных денег в экономике M_2/P исходя из потребности секторов в реальных деньгах, либо номинальный/реальный ВВП страны при соответствующей распределительной политике доходов с целью ликвидации высокого уровня неравенства в России. Денежно-кредитную политику вполне реально подчинить такой цели, привязав её базовые индикаторы к решению структурных задач развития и роста [16]. Для этой цели необходимо разработать «процентный портфель» и ввести принцип «плохого баланса» [14] для банковской системы.

Имеются все теоретические и эмпирические основания для решения задачи перераспределения ресурсов от финансового сектора России в пользу обрабатывающих секторов, что потребует специальных мер макроэкономической (денежной и финансовой) политики. Это позволит монетизировать дефицитные региональные бюджеты.

Для каждой экономики ситуация индивидуальна, и, как было показано для России, монетизация не представляет собой угрозы развёртывания инфляции, если:

1) будет развёрнута система действий по блокаде спекуляций и по свёртыванию режима дестабилизации валютного рынка согласно предложениям доклада «О неотложных мерах ДКП в России» [2];

2) принята обоснованная схема планомерной монетизации с подбором инструментов, направленных на ликвидацию структурного перекося российской экономики с синхронизацией мер промышленной и финансовой политики; для чего понадобится ввести шкалу дифференцированных ставок и принцип плохого баланса для банковской системы России [13; 14];

3) будет ликвидирован источник инфляции, связанный с девальвацией и запуском «импортированной инфляции», вследствие действий указанных финансовых рычагов и спекулянтов, когда повышение цен гасится поднятием одного из видов цен – процента.

Для России необходим системный план согласованных действий макроэкономической (ДКП и финансовой – налогово-бюджетной) политики, промышленно-структурной, где последовательность ввода мер, а также распределение денежного ресурса между регионами и текущая их финансовая структура будет иметь значение относительно общих параметров развития.

Применительно к планированию политики в обрабатывающем секторе понадобятся, на мой взгляд, следующие действия, обеспечивающие:

– во-первых, выраженную структурную иерархию функций, задач и ресурсов для их выполнения (четкое разделение и увязывание задач развития сектора на фундаментальные (Организации РАН), отраслевые (НИИ и КБ с опытными заводами) и серийного тиражирования продукции – заводы (как правило, со своими КБ) или НПО и НИИ);

– во-вторых, планирование рубежных показателей и создание режима состязательности организаций (как в научно-технической, так и в производственной сфере, работа в альтернативных технических направлениях с формированием рынков);

– в-третьих, в рамках государственных программ – системный подход к решению проблем научно-технического и ресурсного обеспечения (для формирования всей технологической цепочки) и специализация (на конкретных научно-технических направлениях при необходимой диверсификации производства и тематики поисковых работ);

– в-четвёртых, согласованность программ замещения импорта (программы по номенклатуре с созданием мотивации для частного сектора) и планирование, учёт и контроль (разработка Программ, прогнозов развития, каталогов продукции, маркетинговые исследования состояния отрасли, экспертиза НИОКР, обработка информации о технико-экономической деятельности).

Применительно к машиностроению необходимо согласовывать программы развития по трём направлениям – сырьё и материалы, элементная база, средства производства. Эти три элемента являются тремя столпами современного машиностроения. Замещение импорта по каждому направлению должно быть согласовано в рамках разрабатываемых программ также по трём элементам, составляющим основные причины импортной зависимости – широкая номенклатура, необходимый и достаточный уровень качества, доступность и информационная широта работы «импортной инфраструктуры». Применительно к четырём типам машиностроения – крупному, среднему, мелкому и элементной базе – можно предложить три типа планируемых программных действий, вытекающих из логики разрывов между этими типами машиностроения.

Для крупного машиностроения целевым образом определить государственных исполнителей по приоритетным направлениям

крупного машиностроения и целевое финансирование (без тендеров), с учётом длительных циклов НИОКР и производства, особо выделить компоненты заказа на перспективные НИОКР под субсидии государства и льготные ставки по кредитам и налогообложения.

Для среднего машиностроения необходима программа стратегического развёртывания (до 15–20 лет) и строительства заводов в области станкостроения и двигателестроения, с оценкой потребности по производству конечных видов продукции (самолёты, автомобильный и железнодорожный транспорт перспективного назначения – скоростного движения и новых видов двигательных установок), а также обрабатывающих центров на новых технических и физических принципах.

Для мелкого машиностроения и элементной базы отобрать имеющуюся в отечественном производстве элементную базу и мелкое оборудование, отвечающие мировому уровню качества, оставив закупки по импорту в обозримом периоде, с учётом взаимозаменяемости деталей машин с тем, чтобы постепенно на следующих этапах осуществить полный переход посредством освоения элементной базы и деталей машин на отечественных предприятиях. Там, где можно развернуть замкнутые циклы производства, необходимо это осуществлять, постепенно воссоздавая рынок машиностроения.

Создаваемые программы, в том числе замещения импорта, должны распространяться и задействовать следующие факторы развития: экономические, финансовые факторы (кредит, инвестиции); институциональные (структура владения активами объекта); технический потенциал развиваемой системы, исходное состояние (нет связи между технологичностью и ключевым параметром конкурентоспособности – «экстенсивная» связь); время изменения состояния системы, возможности использования инфраструктуры и т.д. Причём в рамках программ и институтов развития необходимо предусматривать обновление фондов, кадров, технологий, схемы накопления интеллектуального капитала.

Эти подходы предлагаются для выстраивания планирования промышленной политики на уровне Министерства промышленности и торговли РФ. Безусловно, они станут успешными только тогда, когда инструменты макроэкономической политики, о которой здесь также шла речь, будут работать на достижение предполагаемого «отраслевого» результата.

Список литературы

1. *Абалкин Л.И.* Россия. Поиск самоопределения. М.: Наука, 2005. 464 с.
2. *Глазьев С.Ю.* О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // *Инвестиции в России*. 2015. №11. Российский экономический журнал. 2015. №5. С. 3–62.
3. *Канторович Л.В.* Избранные труды. К 100-летию со дня рождения. М.: Ленанд, 2012. 186 с.
4. *Официальный сайт* центрального банка. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrftId=ms&pid=dkfs&sid=dm> (дата обращения: 20.03.2016).
5. *Россия в цифрах*. 2003: Крат. стат. сб./Госкомстат России. М., 2003. 398 с.
6. *Россия в цифрах*. 2004: Крат. стат. сб./Федеральная служба государственной статистики. М., 2004. 431 с.
7. *Россия в цифрах*. 2005: Крат. стат. сб./Росстат. М., 2005. 477 с.
8. *Россия в цифрах*. 2006: Крат. стат. сб./Росстат. М., 2006. 462 с.
9. *Россия в цифрах*. 2007: Крат. стат. сб./Росстат. М., 2007. 494 с.
10. *Россия в цифрах*. 2008: Крат. стат. сб./Росстат. М., 2008. 510 с.
11. *Россия в цифрах*. 2009: Крат. стат. сб./Росстат. М., 2009. 525 с.
12. *Россия в цифрах*. 2015: Крат. стат. сб./Росстат. М., 2015. 543 с.
13. *Сухарев О.С.* Изменение доктрины денежно-кредитной и бюджетной политики в условиях рецессии // *Федерализм*. 2015. №1. С. 93–110.
14. *Сухарев О.С.* Структурные проблемы экономики России. М.: Финансы и статистика, 2010. 192 с.
15. *Сухарев О.С.* Текущее состояние и перспектива институтов регионального развития // *Федерализм*. 2012. №1. С. 61–72.
16. *Сухарев О.С.* Теория реструктуризации экономики. М.: Ленанд, 2016. 256 с.
17. *Сухарев О.С.* Экономическая динамика. Институциональные и структурные факторы. М.: Ленанд, 2015. 240 с.
18. *Сухарев О.С.* Экономическая политика и развитие промышленности. М.: Финансы и статистика, 2011. 216 с.
19. *Федеральная служба статистики*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 05.04.2016).
20. *Федеральные целевые программы России*. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi->

bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/1/2014 (дата обращения: 10.04.2016).

21. Федеральные целевые программы России. URL: <http://www.programs-gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2016).

Получено: 13.05.2016.

References

1. Abalkin L.I. *Rossia. Poisk samoopredeleniia* [Russia. Search self-determination]. Moscow, Science Publ., 2005. 464 p.

2. Glaz'ev S.YU. O neotlozhnykh merakh po ukrepleniuiu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii i vyvodu rossiiskoi ekonomiki na traektoriiu operezhaiushchego razvitiia [On urgent measures to strengthen the economic security of Russia and the withdrawal of the Russian economy on the path of advancing development]. *Investitsii v Rossii* [Investments in Russia], 2015, no. 11–12. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], 2015, no. 5, pp. 3–62.

3. Kantorovich L.V. *Izbrannye trudy. K 100-letiyu so dnia rozhdeniia* [Selected works. On the 100th anniversary of his birth]. Moscow, Lenand Publ., 2012. 186 p.

4. Ofitsial'nyi sait tsentral'nogo banka [The official website of the Central Bank]. Available at: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=ms&pid=dkfs&sid=dm> (accessed 20.03.2016).

5. *Rossia v tsifrakh. 2003* [Russia by the Numbers. 2003]. A brief statistical collection. Goskomstat Rossii [State Statistics Committee of Russia]. Moscow, Rosstat Publ., 2003. 398 p.

6. *Rossia v tsifrakh. 2004* [Russia by the Numbers. 2004]. A brief statistical collection. Federal State Statistics Service. Moscow, Rosstat Publ., 2004. 431 p.

7. *Rossia v tsifrakh. 2005* [Russia by the Numbers. 2005]. *Kratkii statisticheskii sbornik* [A brief statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2005, 477 p.

8. *Rossia v tsifrakh. 2006* [Russia by the Numbers. 2006]. *Kratkii statisticheskii sbornik* [A brief statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2006, 462 p.

9. *Rossia v tsifrakh. 2007* [Russia by the Numbers. 2007]. *Kratkii statisticheskii sbornik* [A brief statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2007, 494 p.

10. *Rossia v tsifrakh. 2008* [Russia by the Numbers. 2008]. *Kratkii statisticheskii sbornik*

[A brief statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2008, 510 p.

11. *Rossia v tsifrakh. 2009* [Russia by the Numbers. 2009]. *Kratkii statisticheskii sbornik* [A brief statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2009, 525 p.

12. *Rossia v tsifrakh. 2015* [Russia by the Numbers. 2015]. *Kratkii statisticheskii sbornik* [A brief statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2015. 543 p.

13. Sukharev O.S. Izmenenie doktriny denezhno-kreditnoi i biudzhethnoi politiki v usloviakh retsessii [Changing the doctrine of monetary and fiscal policy in a recession]. *Federalizm* [Federalism], 2015, no. 1. pp. 93–110.

14. Sukharev O.S. *Strukturnye problemy ekonomiki Rossii* [Structural problems of the Russian economy]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2011. 192 p.

15. Sukharev O.S. Tekushchee sostoiianie i perspektiva institutov regional'nogo razvitiia [Current status and prospects of regional development institutions]. *Federalizm* [Federalism], 2012, no.1, pp. 61–72.

16. Sukharev O.S. *Teoriia restrukturizatsii ekonomiki* [Current status and prospects of regional development institutions]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 256 p.

17. Sukharev O.S. *Ekonomicheskaiia dinamika. Institutional'nye i strukturnye factory* [Economic dynamics. Institutional and structural factors]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 240 p.

18. Sukharev O.S. *Ekonomicheskaiia politika i razvitie promyshlennosti* [Economic policy and industrial development]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2011. 216 p.

19. *Federal'naia sluzhba statistiki* [The Federal Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (accessed 05.04.2016).

20. *Federal'nye tselevye programmy Rossii* [Russian Federal Target Program]. Available at: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/1/2014> (accessed 10.04.2016).

21. *Federal'nye tselevye programmy Rossii* [Russian Federal Target Program]. Available at: <http://www.programs-gov.ru/> (accessed 08.04.2016).

The date of the manuscript receipt:
13.05.2016.

THE DEVELOPMENT STRATEGY AND PLANNING IN RUSSIA: PRINCIPLES AND ECONOMIC POLICY

Oleg S. Sukharev, Professor, Head of Sector IE RAS

E-mail: o_sukharev@list.ru

**Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;
32, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation**

The basic problems of strategic development of the Russian economy over the past quarter century are considered. The "zigzagging effect" is shown at the level of formulating strategic objectives, which has influenced the development of particular regions of the country to different extents, depending on their initial status and potential. The main principles of elaborating the development strategy and strategic planning are formulated. It is shown how the current macroeconomic policy (strategy) can form a "structural framework" of the economy, which will provide either the opportunity or inability to achieve strategic goals of development. The model «2x2» – "investment-savings", "financial and non-financial" sector – is proposed, from which it follows that the reason for the difficulties of a strategic nature consists in the growth of the financial sector, inefficient institutions regulating and determining its mode of operation, which requires changes in the country's monetary and financial policies. The process of strategic planning must culminate in elaboration of the development strategy, it should imply unified principles and approaches at various levels of regional and federal governance. The prospect for this study can be seen in the problem of distribution of the monetary and fiscal policy effect (in the framework of fiscal federalism) in the regional perspective. The proposed model can become a simple initial scheme within which the parameter of institutional bias of the financial sector must be determined for different regions in order to identify methods to rectify this regional divergence.

Keywords: strategy, principles, efficiency criterion, macroeconomic policy.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сухарев О.С. Стратегия развития и планирование в России: принципы и экономическая политика // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2016. № 3(30). С. 25–43. doi: 10.17072/1994–9960–2016–3–25–43

Please cite this article in English as:

Sukharev O.S. The development strategy and planning in Russia: principles and economic policy // Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy. 2016. № 3(30). P. 25–43. doi: 10.17072/1994–9960–2016–3–25–43